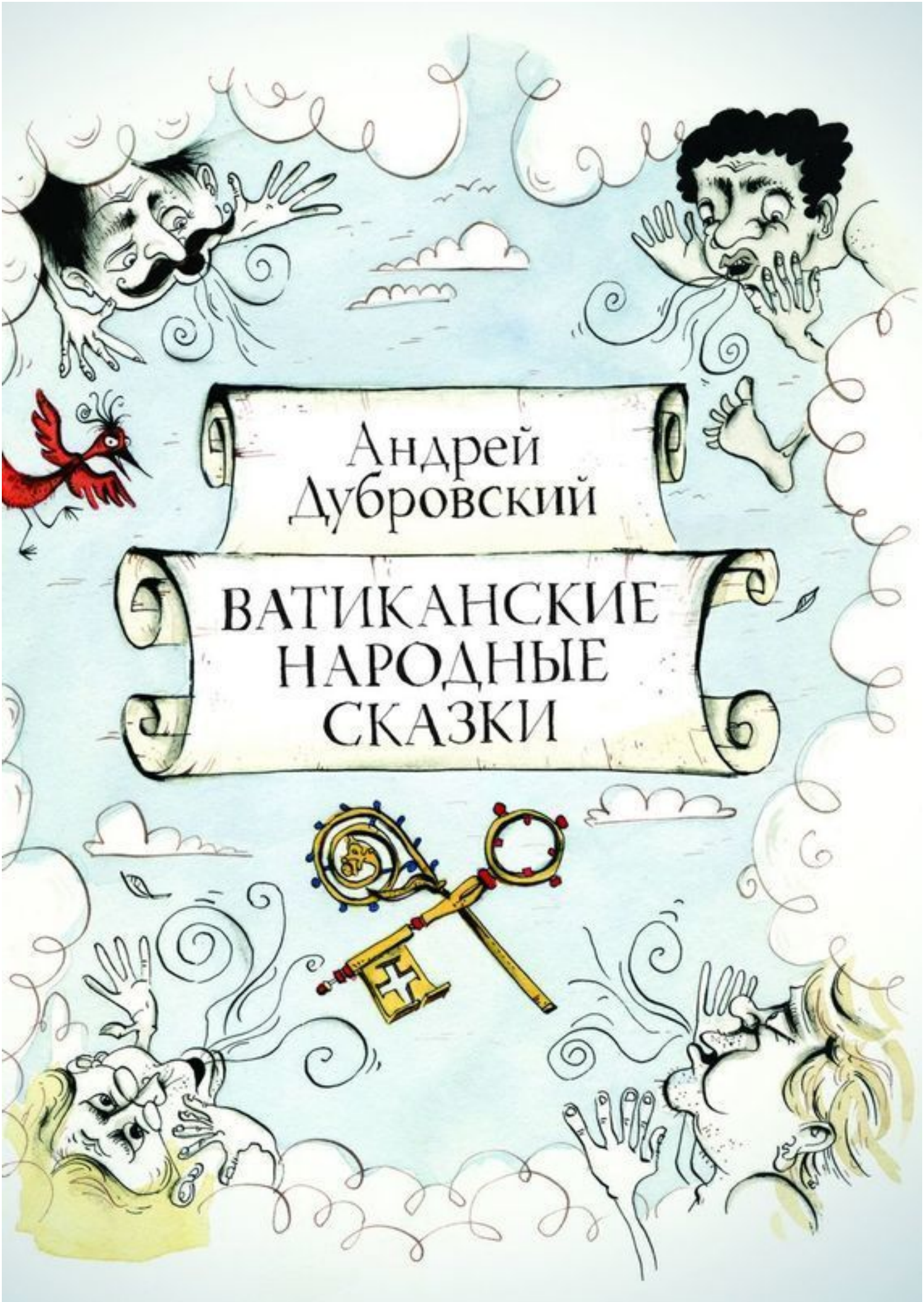


Андрей Дубровский

ВАТИКАНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Андрей Дубровский

Ватиканские Народные Сказки

«Издательские решения»

Дубровский А.

Ватиканские Народные Сказки / А. Дубровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740069-9

Книга «Ватиканские народные сказки» является попыткой продолжения литературной традиции Эдварда Лира, Льюиса Кэрролла, Даниила Хармса. Сказки — всецело плод фантазии автора.Шутка — это тот основной инструмент, с помощью которого автор обрабатывает свой материал. Действие происходит в условном «хронотопе» сказки, или, иначе говоря, нигде и никогда. Книга предназначена для широкого круга читателя.

ISBN 978-5-44-740069-9

© Дубровский А.
© Издательские решения

Содержание

Praefatio (i. e. Вступление) 6
I 8
О достохвальном подвиге кардинала Пия, учинённом им во славу Господа нашего, о посрамлении диавола в личине лесного разбойника и о девяти непорочных девах, спасённых сначала телесно, а затем духовно 9
II 10
О нунции Ставракии, божьем посланнике народам, не ведающим истинного Бога, о зайчике, твари божьей, и о любви к детям 11
III 12
Папа Амабилий XXX – изобретатель целибата 13
IV 14
О посрамлении коварного византийского посла 15
V 16
Византийская трапеза 17
Пролог 17
Парод 17
I Эписодий 17
I Стасима 19
II Эписодий 19
II Стасима 19
III Эписодий 20
Эксод 21
P. S. 21
VI 23
Третий мир 24
VII 25
Византийско-готская таможня 26
Действие I 26
Действие II 26
Таможенный досмотр 27
Действие III 28
VIII 30
Вепско-ватиканский конфликт 31
IX 32
Война за тиару 33
X 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ватиканские Народные Сказки

Андрей Дубровский

Редактор Александр Ильин

© Андрей Дубровский, 2018

ISBN 978-5-4474-0069-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Praefatio (i. e. Вступление)

Давным-давно жил-был в Ватикане сказочник. Но то был не простой сказочник – работал он в папском оффиции (сказок и необычайных историй. В долгие зимние вечера, когда бушевала вьюга или свирепствовал варвар, сказочник услаждал слух Папы и его кардиналов сказками собственного производства. И подчас такие фаворы учинял он уху клерикальному, что иные кардиналы, забыв про свой сан, заливисто смеялись, весело топали ногами и хлопали в ладоши.

Но однажды, когда сказочник, преисполненный вдохновения, сочинял новые сказки ко дню Ватиканского Трудящегося, (в Центральный Ватиканский генератор попал некрупный метеорит. В силу своей малости метеорит не содеял масштабных материальных неприятностей, но весь Латеранский дворец, (где тогда находилась келья сказочника, погрузил во тьму основательно. Тут-то, ища во мраке свечу, сказочник и вспомнил, что ещё с утра его переносной телефонный аппарат совершеннейшим образом разрядился. А зарядить его стоило бы: не ровен час, мог позвонить какой-нибудь кардинал и сказать, что ему страшно в темноте, и потребовать посему сказки жизнеутверждающей.

Надо было спешить, и в поисках места, где ещё могла оставаться на дне резервуаров энергия, сказочник вышел за пределы Латеранского дворца. Вышел в первый раз за свою жизнь, успевшую убелить его благородными сединами.

Нет нужды говорить, что многолюдный и южный по своему темпераменту город поразил сказочника несказанно. Он не мог понять, зачем находящиеся друг рядом с другом люди, разговаривая меж собою, кричат, будто от рождения глухие; почему уличные торговцы бросаются на него, словно малайские пираты, и отчего они так твёрдо уверены, что он непременно впадёт в ничтожество и не сможет дальше существовать, если не купит у них брелок в виде Пизанской башни или шапочку в виде зонтика. Один торговец пал перед сказочником во прах и заклинал его купить вот эту репродукцию с картины новомодного живописца Михаилангела, (если не хочет, чтобы семья торговца умерла с голоду. Сказочник, при всём своём желании, никак не мог помочь несчастному – у него не было ни сольдо. Осознав неплатёжеспособность сказочника, торговец весьма ловко поменялся в поведении и высокомерно отошел прочь, бормоча что-то на вульгарной латыни. Его латынь была настолько вульгарна, что сказочнику удалось понять лишь немногие слова, имевшие общие индо-ватиканские корни.

Наконец, сказочник увидел то, что искал: за очередным поворотом явился пред ним магазин всяческих услуг. Здесь можно было и оформить пропуск в Вавилонскую Государственную библиотеку, и купить путёвку в Гиперборею, (и приобрести аппарат светописный; за умеренную плату здесь могли сделать даже маленького гомункула. Наконец, в этой феерии просвещения и прогресса, сказочник нашёл искомое и направил свои стопы к помещению, завешанному рекламой, в которой сулили невероятные возможности: «роуминг по всему Капитолийскому холму!», «надёжная связь, не пропадающая даже в катакомбах!», «монеты на счёт переводятся через три дня!», «тариф «постный-лайт»» – VI сольдо в минуту, с включением церковной десятины!», «новое поколение телефонов – сверхмалый корпус, легко переносится двумя людьми, работает в три раза дольше с вдвое меньшим расходом угля!».

Выйдя из магазина, сказочник с крайним неудовольствием обнаружил, что некий злодей угнал его рикшу, искусно нейтрализовав сигнализацию (сторожевой петух валялся невдалеке со свёрнутой шеей). Было это весьма некстати: разгорячённое Солнце, упившись небесным хмелем, гнало людей под навесы. Поспешил туда же и сказочник. В одной из крытых галерей собралось множество народу, и сказочник, движимый свойственным ватиканцам любопытством, пошёл приумножать толпу. Оказалось, что некий крестьянин,

приехавший по делам в столицу, коротал своё и окружающих время полдневного зноя рассказыванием сказок.

То, что услышал сказочник, повергло его в ужас, а затем в уныние: по прошествии многих десятилетий, только сейчас он понял, насколько безжизненны и блёклы были его сказки по сравнению с тем, что он услышал сейчас! Решение было принято мгновенно: он немедленно отправится путешествовать по свету, слушать и записывать сказки. Зачем – он ещё не вполне осознавал, ибо разум в тот момент ввергся в хаос и управление на себя взяли чувства.

I

«Но зачем сказки нам не подают той, которая повергла в уныние столь почтенного сказочника!?» – восклицает осерчавший на нашу рассеянность заинтригованный читатель.

Ах да! Вот она:

О достохвальном подвиге кардинала Пия, учинённом им во славу Господа нашего, о посрамлении диавола в личине лесного разбойника и о девяти непорочных девах, спасённых сначала телесно, а затем духовно

Однажды по дремучему лесу, окружавшему славный град Ватикан, шёл кардинал Пий. Он отправился в гущу леса нарубить дров во славу Господа.

Он шёл и пел гимны Творцу. Вдруг за очередным поворотом он увидел картину исключительного душепотрясения: некий демон, обратившийся в разбойника, собирался содеять нечто оскорбительное по отношению к девяти невинным юным девам. Нисколько не раздумывая, благочестивый Пий взмахнул топором и воскликнул: «Именем Господа, сгинь, нечистый!» После такой убедительной демонстрации силы Вседержителя, чрез эманацию (на служителя Его, нечистый предпочёл ретироваться в ближайшие заросли.

Спасённые столь удивительным образом, юные девы принялись наперебой восхвалять своего избавителя, и говорить, что в благодарность готовы сделать ему всё и по-всякому. При этом они недвусмысленно давали ему понять, какого рода плезиры его могут ожидать.

Но Пий, кардинал исключительного благочестия, с негодованием отверг столь бесстыдную награду, смиренно ответствуя, что дланью его руководил Всевышний, а он, Пий, был лишь исполнителем Его промысла.

Увидев столь поразительный пример смирения и воздержанности, девы устыдились и обещали посвятить себя Богу в ближайшем монастыре. Сказанное было тут же и исполнено.

А когда, спустя девять месяцев, у тех дев родились мальчики, они, не сговариваясь, всех их назвали Пиями.

II

И вот, сказочник, исполненный решимости воплотить задуманное немедленно, вышел на проспект Двадцати Шести Кубинских Кардиналов и дошёл до ворот Святого Мизерикордия. Там сказочник задумался ненадолго (и я даже не знаю, о чём он думал в тот момент), и затем решительно выступил за пределы Города, направив стопы свои в неведомую неизвестность…

Сказочник шёл довольно долгое время – солнце уже стало клониться к земле. Он успел проголодаться, ему казалось, что путешествие слишком затянулось. За весь путь сказочник не услышал ни одной сказки. Единственное, чего он сейчас хотел – это найти какой-нибудь постоялый двор и наутро отправиться в обратный путь. Двор постоялый он нашёл. Но, настраиваясь на сон в общей зале, он вдруг неожиданно решил продолжать своё путешествие.

За IV минуты до этого своего решения сказочник услышал, как в той же общей зале возвращавшийся издалёка пилигрим рассказывал собравшимся вокруг него детям постояльцев сказку.

О нунции Ставракии, божьем посланнике народам, не ведающим истинного Бога, о зайчике, твари божьей, и о любви к детям

Однажды по бескрайним прериям, которые окружали Ватикан, скакал на своём ослике нунций (Ставракий. Он вёз слово Божие далёким народам, пребывавшим ещё во тьме язычества. Слово было аккуратно завёрнуто и лежало в сумке рядом с частичкой ногтя с мизинца правой ноги святого Яго Тапробанского.

Вдруг перед собой на дороге он увидел зайца. Зверёк был ранен и еле двигался. Ставракий, сокрушённо вздохнув, слез с ослика…

Нунций очень любил детей. Вечером, поджаривая на костре зайчатину, он умиротворённо мечтал: «Вернусь домой и подарю соседской дочке заячий хвостик – пусть играется».

III

Путешествие продолжалось уже несколько дней, и сказочник услышал довольно много сказок. Например, этим утром его попутчик – некий благородный синьор, направлявшийся по своим делам в Модену, – в благодарность за то, что сказочник научил его ругательствам на старопарагвайском языке, рассказал вот такую сказку.

Папа Амабилий XXX – изобретатель целибата

Однажды к одной знатной даме, жене архиепископа, пришёл в гости папа Амабилий XXX. Следует сказать, что в те далёкие благословенные времена целибат – обет безбрачия – не был ещё открыт, и ватиканские клирики вовсю наслаждались благами семейной жизни.

Папа Амабилий любил захаживать в гости к своим подчинённым, да вот незадача, всё-то их дома не оказывалось: то на работе были, то на рыбалке, а то вообще в магазин пошли и уже третий час не возвращались. Папа был статен и крайне хорош собой, и едва ли какая клерикальная жена, которую он заставал тогда дома одну, могла отказать себе в удовольствии скоротать с ним время в приятной беседе.

Вот и сейчас жена архиепископа, с сожалением сказав, что мужа нет дома, тем не менее пригласила любезного папу на партию в шахматы. Игра оказалась настолько напряжённой, что даже служанки на кухне с завистью вздыхали, кручинясь, что не дал Бог им в мужья хотя бы завалящего нунция; β а сторож у ворот – отставной швейцарский гвардеец – одобрительно кряхтел в бороду.

Но как только Амабилий поставил жене архиепископа мат, неожиданно в окно ввалился сам архиепископ. Был он зело пьян, и вместо того чтобы, как порядочный архиепископ, войти сначала в ворота, а затем во все двери, он, нарушая все законы ватиканской физики, сразу вошёл в окно III этажа. Нарушив один закон, он не остановился перед нарушением второго: видя, что его жене поставили мат, он, не считаясь ни с какой спортивной этикой, схватил победителя за причинные места и тут же сделал их беспричинными…

После этого случая папа Амабилий XXX перестал ходить в гости, стал больше времени проводить в ватиканской библиотеке им. Абеляра, (и писать стихи, в которых воспевал все радости платонической любви. Переменив свой образ жизни, папа решил и другим помочь на пути духовного совершенствования. Уединившись в своей лаборатории, он через неделю усердных трудов и смелых опытов вышел оттуда с изобретённым им целибатом.

IV

Через месяц своего путешествия сказочник решил, что не стоит ограничивать себя пределами Ватиканской империи, и направился на Восток. Долго ли, коротко ли, но вот, пришёл он к крепости Конкордия, располагавшейся на старой ватикано-византийской границе. Он вдруг вспомнил эпизод из своей давно прошедшей молодости, связанный с этой крепостью: как он тогда прочитал в газете «Истинные ватиканские новости», что доблестью ватиканского оружия и искусностью ватиканской дипломатии граница славной и необоримой Ватиканской державы передвинулась. Но куда она передвинулась, какие населённые пункты были заняты – об этом не сообщалось. Теперь сказочник на месте нашёл ответы на все вопросы…

Рано поутру, сидя в тени чинары и разбирая причудливую вязь византийской речи, сказочник услышал, как один такой же, как и он, уснеженный сединами старец рассказывал о тех далёких событиях сказку:

О посрамлении коварного византийского посла

Однажды в Ватикан, ко двору святейшего, непогрешимого, наимудрейшего и раба последних негоднейших рабов папы Иоанна XLVIII прибыл византийский посол. Как и все византийцы, был он хитрым, льстивым, изворотливым, вероломным, ткал интриги так же ловко и умело, как лионские ткачи ткут свои гобелены, из уст своих источал мёд, обращавшийся впоследствии в смертельный яд. Как рассказывали люди осведомлённые, он в своё время перехитрил дьявола, а при желании мог провести самого святого Петра, чтобы проникнуть в заповедный Сад! А ватиканские старожилы добавляли, что давно не видали таких хитрых послов. (

И вот, сей посол прибыл к священному престолу вести переговоры о передаче византийцам высокогорной крепости Конкордии на южной границе необъятных земель Ватикана. Восточная империя склонна была называть это возвратом, но как такое возможно! Если крепость перешла к превосходному и благочестивому Ватикану по промыслу Божьему, то только по попущению Его она может быть захвачена Византией. (

И вот, предстал посол восточного императора пред собранием кардиналов, епископов, прелатов, нунциев и самого наисмиреннейшего, превосходнейшего, пресвятейшего папы. И начал говорить он речи свои хитросплетённые, мудрёные. И тогда, чтобы не поддаться соблазну словес его, вперёд выступает епископ Иннокентий. И говорит он послу: «Не для того собралось тут столько святейших мужей, чтобы смущал ты их речами богопротивными!» Лицемерный византиец стал оправдываться, что, мол, это обыкновенная, даже в чём-то рутинная, дипломатическая практика, но в ком из собравшихся была хоть толика веры его словам! «Негоже доле отравлять умы наши чумой уст твоих!» – воскликнул тогда непоколебимый Иннокентий, и, подбежав к вероломному послу, изгнал своим посохом нечистую силу из тела его. Посол, держась за ушибленные места, удалился из собрания.

Через несколько дней византийское посольство ни с чем возвратилось к себе… в Конкордию.

V

Один византийский крестьянин сказал сказочнику, что если тот не видел Константинополя, то он не видел мира – ведь в одном этом городе сосредоточилась вся Вселенная! Сказочнику ничего не оставалось, как направиться прямиком в столицу Восточной империи.

В Константинополе, в театре Диониса он услышал трагедию Еврифокла. (Сказочник всецело принадлежал к западной, ватиканской культуре и едва ли мог понять морфологию этой драмы, но, будучи аккуратным, как все ватиканцы, он пунктуально сохранил в памяти, а затем и записал всё, что услышал. А сказка то была или нет, уже не имело для него особого значения.

Византийская трапеза

Пролог

Коль властью ты прельстился
И злодеянье совершить
Готов ты ради трона,
И суверена кровь пролить,
Не потерпев урона,
Пусть раньше попадётся
В твои глаза сей скромный труд.
Надеюсь планы мерзкие
Тотчас умрут…
Вместо тебя.

Парод

Константинополь в зарю одевался,
Солнце входило в дворцы и лачуги,
Форумы вмиг суетой наполнялись,
В улицы-вены народ изливался.
Зёв подавляя, в синклит шёл сенатор.
А у эмпорьев толпились навклиры.
И стратиотов шла тагма по Месе,
Путь направляя в восточные фемы.
А у Галаты дромоны стояли —
Слава и мощь Византийской державы —
Огнь мидийский готовые вылить
На моноксилы гостей нежеланных.
Звон в эргастериях с улиц был слышен.
И бык догорал неудачником греком.

I Эписодий

Пригласил муж благородный,
Что проэдром был синклита,
Двух друзей, высоких рангом,
На фиал вина с Родоса.
Первый был друнгарий виглы,
А второй – магистр оффиций.
Оба были родом славны
И севаст (к ним благоволил.

Сигму (заняв, кубки взяли —
И вино лилось рекою.
Вместе с ним лилась беседа,
С каждой чашей всё вольнее.

В час урочный наш хозяин
(Звался он Феофилактом,
Родом был из Кесарии).
Осторожно мысль озвучил:
«Император всем хорош наш —
Бел лицом, румян щеками,
Только есть один изъян в нём —
говорит как иудей он,
«р» произнося фальшиво.
Да ещё вот незадача:
Эфиопы из Аксума
Захватили весь Египет».

Поддержал его друнгарий —
Мокий, уроженец Тарса:
«Император наш, о боги,
Благосклонен, вот, к венетам.
Мне же по сердцу прасины.
Да к тому же некий варвар
Разорил уж пол-Эллады».

Наконец вступил магистр,
Славной Смирны уроженец.
(Осторожность подсказала
Выступить ему последним).
«Я, Флегонт, вам заявляю:
Император наш прекрасен —
Ходит он с осанкой гордой,
Речи говорит умело.
Был бы я ему так предан,
Если б не одна формальность:
Мы с Армении налогов
Уж давно не получаем:
Вследствие войны последней
Край под властью шахиншаха.
Но уж если откровенный
Разговор идёт, о други,
То совсем я недоволен,
Что стою от трона слева,
Хотя должен быть правее».

I Стасима

Вот и амфора
Опустошена.
План созрел у «триумвиров» —
Взять севастову порфиру,
Свергнуть кесаря долой
Иль проститься с головой.

II Эписодий

Но тотчас неумолимо
Встал вопрос: «А кто же будет,
Троном обладать вакантным?
Все хотели государство
Вознести к вершинам славы.

Вновь заговорил проэдр:
«Коль была моя идея
Может, мне и стать владыкой?
Впрочем, всё ещё обсудим».

Тут восстал друнгарий Мокий,
Взвился пылкий киликиец,
Очень власть его прельстила.
Но однако ж спохватился,
Обуздал свои порывы,
Скрыл свои улыбкой мысли —
Уж давно в столице жил он.

«Ну конечно ж, всё обсудим, —
Вкрадчиво Флегонт вступил тут, —
А пока наполним кубки,
Ни к чему сейчас волненье».

II Стасима

Ещё амфора
Выпита до дна

Гелиос по́ небу мчит колесницу,
В пределы Зефира (свой путь направляя.
Коварный Дионис, простёрши десницу,

Ввергает в погибель, умы отравляя.

III Эписодий

Третьей амфоры настало
Время жертвою пасть Вакха.
Среди планов грандиозных
Кронос (мчится незаметно.

Вдруг, живот рукой схвативши,
С ложа вскакивает Мокий.
Вон из пиршественной залы
В атрий (бег свой направляет.
Яд из жаб и саламандр,
С медной зеленью и ртутью,
Сделал своё дело быстро,
Душу передав Танату.
(Фолиант Диоскурида
Многие тогда имели).

«О, завистливые боги!
О, жестокая судьбина!» —
Возопил Флегонт тотчас же, —
«Величайшая утрата!..
Кстати, часом, не заметил,
Как наш Мокий торопился,
Жадно пищу поглощая?
Видно, заворот кишечный
Приключился с нашим другом».

Не успев сказать всё это,
Он в конвульсиях забился,
И, лицом побагровевши,
Выкатил глаза наружу.
А из-под него на ложе
Шипя, змейка выползала.
(Очень интересовался
Наш проэдр всяким гадом,
И в саду Феофилакта
Серпентарий находился.
Очевидно, раб-садовник,
Ох, рассеянный он малый!
У змеиного притона
Дверь оставил незакрытой.

Так Феофилакт, проэдр,
Волею богов бессмертных,

Двух друзей лишился разом.
(Было это всё, конечно,
Для него большим сюрпризом.)

Но когда в главе своей он
Уж монодию (составил,
Пред собой узрел, о Фобос!
Мокия, прям из Гадеса.
Тот не даром был друнгарий,
Схол (дворцовых командиром,
Был здоров, как все гвардейцы.
И, извергнув яд, он выжил.

Меч из ножен вынимая,
Мокий быстро приближался.
И, в чём дело, понимая,
Наш проэдр заметался.
Но, сноровкой обладая,
Мокий всё ж настиг проэдра.
И от уха до гортани
Разрубил Феофилакта.

Кровью зала обагрилась,
И друнгарий, ослабевший
От отравы изверженья,
Неуверенной стопою
Прочь пытался удалиться.
Но в крови Феофилакта —
Деле рук своих нечистых —
Он нашёл свою погибель,
Ибо Мокий поскользнулся,
Неудачно подвернулся,
Меч в руках ещё сжимая,
Пал на лезвие всем телом.

Эксод

Весть облетела град царственный вскоре о смерти внезапной
Трёх благородных и славных мужей византийской державы.
Сам император монодию в храме Премудрости Божьей
Войску, сенату, народу и подданным прочим озвучил.

P. S.

Перечислил император

Все достоинства умерших;
Молвил, что несчастный случай
Был всему тому виною;
И мужам троим посмертно
Дал Героев Византии.

Неизвестным лишь осталось
Для общественного мненья,
Что в тот день средь трёх несчастных
Под личиной слуг безмолвных
Находились катаскопы,
Императорской спецслужбы.

Сикофанты (доложили
Куда следует давно уж
Про фантазии проэдра
И про ненадёжность виглы.
Указанье было свыше,
Коль про заговор услышат
Воины стиля и меча,
Следует тогда тотчас же
Принять меры к подавленью
Смут зародыш и причину.
(Это был уже двадцатый
заговор за этот месяц.)

VI

Один византийский чиновник рассказал сказочнику историю, которую, в свою очередь, услышал от коллеги из департамента иностранных сношений. Рассказ нашему ватиканскому герою понравился, и он решил: «Любую историю можно превратить в сказку, не будь я сказочник!».

Третий мир

Однажды в Эфиопии, что окружает Ватикан, случился голод. Ватикан, являвший собой некий островок изобилия, не мог мириться со сложившейся вокруг него ситуацией. Была созвана экстренная консистория (и на ней порешили отправить в Эфиопию чрезвычайного комиссара, для того чтобы он на месте разобрался в ситуации и представил отчёт, на основе которого была бы оказана посильная помощь голодающим землям. Для этой миссии выбрали нунция Стурла Фритьофсона.

Вступая в пределы ефиоплянские, нунций ожидал увидеть пересохшие от засухи оросительные каналы, убитые длительным использованием сельскохозяйственные инструменты, размётанные ураганом мельницы и амбары… Но ничего такого он не увидел. Взору его предстала страшная картина: земля вообще не была затронута никаким стихийным бедствием! Так же, как она не была затронута руками человеческими. На расспросы ватиканского комиссара о причинах голода местные жители винили погоду: дождей было не столько, сколько ожидалось, солнца было слишком, нежели хотелось. А также винили Ватикан, который, вместо продовольствия присылал какие-то железные механизмы для полей. На полях они и ржавели, но пользы почему-то не приносили. Нунций был в растерянности, и совершенно не понимал, что писать в докладе, который от него ждали в Ватикане.

Вернувшись в Ватикан, Стурл Фритьофсон, тяжко про себя вздохнув, доложил, что голод вызван неблагоприятными климатическими условиями, и для борьбы с ним необходимо послать как можно больше продовольствия…

VII

Однако же долгое пребывание в Константинополе – самом дорогом городе мира (– могло разорить какого угодно иноземного гостя, а тем более сказочника – скромного ватиканского чиновника. Жил он, правда, в рыбачьем районе Фанар, где постоянно воняло рыбой и время от времени в арсенале неподалёку взрывался от небрежной эксплуатации греческий огонь. И снимал он утлую келью в наидешёвейше-паршивейшем постоялом дворе для миссионеров, студентов и бродячих философов. Но всё равно, изо дня в день византийская столица поглощала целые состояния.

Нужно было двигаться дальше. Но не на Восток, где бы он окончательно впал в финансовое ничтожество, а куда-нибудь в другом направлении, например, на север. Там, среди лесов и болот, кутилам было делать нечего.

Через несколько недель сказочник был уже на византийско-готской таможне. Там он стал свидетелем одной прелюбопытнейшей сценки, которую и описал позже в небольшой пьесе. Кое-что домыслив, конечно. И, естественно, домыслил он не в пользу Византии, – ведь скорее коты будут жить дружно с мышами, а люди достигнут Луны, нежели уживутся когда-либо в мире истинно и правильно верующие ватиканцы с еретиками византийцами.

Византийско-готская таможня

Действие I

Византийская империя. Центральные покои сношения с иноземцами.

Шеф управления (А)
Главный герой (Б)

А *(воздевая руки):* Хвала нашему императору, чья мудрость превышает все знания семи мудрецов, собранных воедино! Пред чьим величием трепещут все известные нам варвары! Дары которому приносят народы, о которых мы даже не слышали!

Садятся.

У меня к вам есть одно задание. Вы, надеюсь, знаете сколь тяжко наше внешнеполитическое положение. Практически все границы прорваны, разве что только эфиопским крокодилам осталось восстать из глубин Нила. Наш славнейший император недоволен положением дел. Армия и флот справятся разве что только с разбойниками на главных дорогах и с пиратами на островах. Посему Его Величество возложил на наше ведомство почётную обязанность спасти отчизну. Уже отправлены для урегулирования ситуации чрезвычайные и полномочные послы, почти ко всем народам: кого подкупят, кого поссорят, кого отравят, кого крестят… ну, вы понимаете.

Остались только западные варвары – готы. К ним отправитесь вы. Правда, лихих людей на дорогах развелось, как чиновников в столице, посему, поедете инкогнито. Так что позолоченную колесницу оставите на императорских конюшнях, а вместо шёлковых хламид облачитесь в льняной хитон. (Глядишь, и до границы доедете. Там, на границе, правда, разбойники иного толка, но полагаюсь на Ваши способности.

Б: *(восклицает)* Склоняюсь пред божественной волей императора! *(Д еловито)* Когда отправляться?

Действие II

На здании стилизованная под греческий шрифт надпись: «Таможня». Сидят три византийских таможенника, пьют из утончённых чаш. Один продолжает начатый некогда рассказ *(тон развязный)*.

– … а он такой: «да как вы смеете требовать с меня денег! Да я архидиакон коринфский!».

– А я такой: «да хоть сам патриарх Константинопольский».

Все дружно рыгочут: «гы-гы-гы».

Завидев приближающегося главного героя, начинают принимать всяческие греко-римские позы, и таким образом один из таможенных служителей ведёт диалог.

Главный герой (Б)

Византийский таможенный чиновник (В)

В: О странник! Куда стремишь стопы свои? Какая неволя гонит тебя от очага предков в края иноземные? Обилие ли талантов (привело тебя к мысли обозреть весь круг земной? Или *(вопросительно-угрожающе)* некое преступление против императорского величия заставляет тебя прибегнуть к варварскому милосердию?

Б: Скорее, свойственное человеческой природе любопытство диктует мне желание воочию убедиться в жалком *(ударение на этом слове)* существовании презренных варваров, влачащих свой век во тьме незнания.

Паспортный контроль, пограничник (П) проверяет документ. Главный герой роется в складках своей тоги, достаёт кипу документов, протягивает.

П *(изучает):* Так… Общегражданский пергамент… Читательский папирус в Александрийскую библиотеку… Хрисовул на вождение колесницы… Мне нужен загранпергамент, а вы мне что даёте? А, вот он.

Таможенный досмотр

Главный герой (Б)
Византийский таможенный чиновник (В)

В: Некое божество подсказывает мне, что убогие облачения суть иллюзорнейшая фикция, а человек вы знатный и монетой обладаете в изобилии…

Б *(перебивая):* Что вы, что вы! Самого я что ни на есть пренизкого звания! Чуть ли не раб!

В: Все мы рабы Божьи (принимает смиренный вид, опускает очи долу) … Ужли ни единого денария!?

Б: Зевс свидетель!

В: Однако ж, по закону не имею права пропустить совсем безденежного подданого: такой позор для славной Византийской державы!

Б: Ну… не совсем без денег… *(ищет, находит)*. Святое распятие! *(овладевает эмоциями)*. Надо же, немного монет завалялось. Очевидно, жена положила, а я и не заметил.

В *(некое оживление):* Такое сейчас положение тяжкое!.. Тут недалече крепость находится, совсем варварами разорена. Средства нужны, а те, что выдал император, ушли на долги за костюмы для посольства, отправленного к самодержцу с просьбой о финансовой помощи.

Б: Мысленно валяюсь у вас в ногах, вымаливая себе прощение, ибо не могу помочь своей жалкой лептой общему делу: везу сии скромные средства своему умирающему на чужбине троюродному прадедушке.

В: *(посовещавшись с тут же стоящим сочиновником)* Какая жалость! Совершенно неожиданно у нас закончились папирусы для заполнения таможенной декларации. Но ничего, через неделю из Египта привезут новые…

Б *(задумчиво):* Крепость, говорите, костюмы? Что ж, дело богоугодное. *(В оодушевлённо)* Какой же патриот с радостью не пожертвует последним оболом (на такие цели! *(«с радостью жертвует)*.

Досмотр.

В: Итак. Иконы, шёлк, греческий огонь, запретные колумбийские благовония?

Б: Благодарю вас, этого добра у меня самого полные чемоданы.

В: Везёте ли чертежи наших крепостей, фолианты с записями о численности войск, расценках на командные должности?

Б: Простите, всё дома забыл.

В: Не переживайте, я могу вам одолжить. Смиреннейше прошу взглянуть на вашу поклажу.

Б: Э-э… Я тут давеча в трактире кошель нашёл, хотел найти хозяина и вернуть пропажу. Но, думаю, общее дело превыше всего! Уверен, что хозяин денег (без сомнения, такой же пылкий патриот, как вы и я) сделал бы то же самое. А насчёт багажа, с вашего позволения… (отстраняя таможенника от своих вещей, достаёт и отдаёт увесистый кошель). Понимаете, весьма затруднительно освобождать тюки от пут.

В: Конечно-конечно, удобство проходящих чрез нас ставим превыше прочего! Проходите. Да предлежит вам прямая дорога! Да сопутствуют вам счастливые созвездия! Уверен, божественная десница будет оберегать вас от невзгод в чуждых землях!

Действие III

На шлагбауме стилизованная под готический шрифт надпись: «Таможня». Сидят три готских таможенника, лица их разрисованы под «готов». Пьют из грубых посудин. Один продолжает начатый некогда рассказ (тон развязный).

– … а он такой: «да как вы смеете требовать с меня денег! Да я архиепископ кёльнский!».

– А я такой: «да хоть сам папа Римский».

Все дружно рыгочут: «гы-гы-гы». Завидев приближающегося главного героя, начинают принимать всяческие сурово-нордические позы, и таким образом один из таможенных воинов ведёт диалог.

Главный герой (Б)
Готский таможенный чиновник (Г)

Паспортный контроль. Таможенник изучает документ, смотрит на стену, где висят пергаменты, на которых в средневековом стиле нарисованы люди в профиль и анфас, держащие римские цифры на груди. Сверяется с портретом, нарисованным в иконописном стиле, который представил, вслед за бумагами, главный герой).

Г: Какова цель приезда?

Б: Туристическая.

Г: Обладаете ли необходимым минимумом денег?

Б *(испуганно):* Нет, ни сольдо!

Г: По закону я не могу вас пропустить в нашу страну: а вдруг вы вздумаете работать у нас, не зарегистрировавшись в ратуше?

Б: Что вы! Работать!? Я законченный лентяй!

Г: И всё-таки, по закону…

Б: Относительно денег, это была метафорическая гипербола. Конечно, они у меня есть!

Г: Гут. Иконы, шёлк, греческий огонь, запретные благовония…

Б: Нет, спасибо, бокал вина, если можно. *(З аметив реакцию прямолинейных таможенников)* Шутка.

Г: Везёте ли чертежи ваших крепостей, фолианты с записями о численности войск, расценках на командные должности?

Б: Упаси Один! (

Г: Пожалуйте ваши вещи на досмотр.

Б: Конечно, офицер, ведь это ваша работа. *(в сторону)* Вавилонский дьявол!

Сначала таможенник достаёт кошели с надписями, типа: «на подкуп готского вице-канцлера», вид денег не вызывает у него особых эмоций, не читая надписи, отставляет в сторону.

Г *(радостно):* А вы говорили, у вас нет греческого огня!

Б: Он просроченный.

Г: И шёлк…

Б: Что вы! Китайская синтетика!

Г *(недоверчиво пробует ткань на прочность, та, поддаваясь его недюжинной силе, рвётся)* И правда.

Г:… Иконы…

Б: Они написаны не по канону.

Г: А чертежи, документы?

Б *(с наичестнейшим видом):* Вот чего нет, того нет!

Г: Гут. А не подлежащие ввозу товары мы вынуждены конфисковать, оформить и отправить на экспертизу. Проходите. Счастливого пути.

Б *(пройдя таможню), (к себе)*: А чертежи наших крепостей, фолианты с записями о численности войск и расценках на командные должности я продам вандалам.

VIII

У готов сказок не было. Была у них музыка, которую готы не могли играть из-за того, что ещё не существовали инструменты, способные её воспроизводить.

За готами располагались обширные земли вепсов и мелкие владения родственных им эстов, суомов и угров, и не очень родственных им турок и монголов. В Вепсию – страну лесов, озёр и болот, сказочник и направился.

Там посчастливилось сказочнику познакомиться и остановиться у человека, родившегося в этих землях, когда они ещё принадлежали Ватикану. Сей старец помнил ещё те времена, когда на месте молодых подлесков шумели древние дубравы, (а на месте гор были овраги. Он-то и рассказал сказочнику о давно уже всеми забытых событиях прошлого.

Вепско-ватиканский конфликт

Однажды, после полдника, когда папа Беллоний (XIII ещё утирал салфеткой краешки губ, к нему вошёл министр по пренеприятнейшим известиям. После его визита папа стал ходить темнее тучи. А всё из-за этих вепсов! (Их земли находились в дремучих лесах на самой северо-восточной окраине необъятных ватиканских владений). Тамошний маркграф на место завершившего свой земной срок местного епископа поставил нового. И даже не посчитал нужным согласовать своё решение с центром.

Случай был тем вопиющим, что обычно новый епископ вообще приезжал из столицы, никого из местных властей не спрашивая. Тамошний маркграф оправдывал своё столь экстравагантное поведение тем, что, мол, дороги после продолжительных дождей были совершенно непроходимы. Ещё добавлял, что как раз в это время у енотов наступил брачный период, и они, сбиваясь в стаи, представляют угрозу всем без исключения, даже курьерам, везущим в Ватикан-столицу особые донесения. Но как только всё образуется, маркграф обещал принять любого назначенного из центра епископа. Понятно, что всё это были жалкие отговорки. Факт государственной измены был налицо. Нависла угроза того, что народ вепсов вообще переметнётся к еретикам, земли которых были восточнее.

Требовались срочные меры, и они были приняты: форсированным маршем вся швейцарская гвардия двинулась на сепаратистов. Но из-за совершенно разбитых дождями дорог войска вынуждены были вернуться ни с чем. Авангард вообще попал в засаду и был изрублен мощными челюстями енотов.

Тогда постановили дожидаться благоприятных метеоусловий, а заодно и мобилизовать всё мужское население Ватикана – нужно было действовать решительно и наверняка.

Тот факт, что вепсы самовольно выбрали себе епископа, не мог вызвать энтузиазма и вдохновить ватиканцев на повальную мобилизацию. Нужны были лозунги, понятные обывателю. Министерство девизов, лозунгов и плакатов принялось за работу. Чиновники министерства пребывали в затруднении, задача предстояла не из лёгких. Если бы правительство начало войну с какими-нибудь своими южными или восточными подданными, то тогда пожалуйста – хоть по три лозунга в минуту можно было сочинять. А вепсы, что они, ни то, ни сё, и ничего-то о них никогда не слышно было. Так жаловались чиновники.

Но работа есть работа, и через несколько дней ватиканец узнал, что скворцы и сороки, прилетающие из лесов вепсов, уничтожают весь урожай ватиканского редиса; что шпрота, поставляемая вепсами, не имеет должного сертификата ватиканэпидемнадзора и наверняка заражена бубонной чумой; что вепсы, хотя внешне и доброжелательны, но про себя думают, что все ватиканцы идиотские дураки, и пр. и пр. После таких убедительных доводов проблем с поголовной мобилизацией не должно было возникнуть, и дело оставалось лишь за небольшой победоносной войной…

Война была настолько некрупной и столь победоносной, что о ней почти ничего не писали газеты, а в учебниках впоследствии ограничились лишь парой предложений. И в Ватикане старались не вспоминать, что ныне независимая Вепсия некогда принадлежала Ватикану. Война быстро забылась ещё и потому, что вслед за ней разразился уже поистине серьёзный конфликт. И об этом – следующая сказка.

IX

(Никонов – Дубровский)

Но следующей сказки старец так и не рассказал. Лишь спустя много лет сказочник нашёл эту сказку в архиве ватиканского министерства Давно Минувших Дел, на самой пыльной полке. Позже он присовокупил к этой сказке пространное вступление, которое ему рассказал некий хорват или иллириец, судя по его имени и фамилии, – Жэжэюзер Сымич (symich).

Война за тиару

Как все прекрасно знают, Папы отличаются от остальных людей невероятной добротой, чистотой помыслов и душевной щедростью. Они прямо с рождения такие. Пока другие дети плачут или ручонки к чужой игрушке тянут, будущие ватиканские мудрецы лежат себе тихо в кроватках, смотрят в потолок, а взгляд такой пронзительный и чистый. И никогда не скажет Папа «Хочу», но только «Возьми, пожалуйста». И зависть не очернит сердце, когда узрит он кроссовки одноклассника. И обида не застит прекрасные глаза, если кто-то выпьет компот его. И будет он нести Слово Святое с достоинством, без суеты, не страшась ничего и кумиров не творя.

Противники Веры скажут, конечно, что таких людей не существует. Слушать смешно! Да, их очень мало, но так, чтоб совсем не было – неправда это. А самым добрым-предобрым, человечным и замечательным был Папа Пий XIX. Настолько добрым, что каждый раз, встречая на ватиканских улицах оборванных и голодных пацанят, приводил их во дворец, кормил до отвала и дарил всякие блестящие, красивые штуки. Но это если не пост, конечно. В пост он читал не успевшим увернуться ребятам молитвы. Не в пост он тоже молитву творил, конечно, но именно в дни смирения и чистоты был он всегда бодр и свеж, смиренно обращаясь к Господу от восхода до заката. А в другие дни – ничего ему было не жалко. Хочешь часы с двигающимися фигурками волхвов? Держи! Хочешь на троне посидеть? Конечно, что за вопрос! Говорят, что Пий даже как-то подарил одному мальчугану свою тиару. (Но то врут, наверно. Ведь Пап без тиары не существует, это любой вам скажет. (

Был, правда, случай, когда Папа оказался без своей тиары, но ненадолго. Вот как это произошло.

Во дни всеобщего благоденствия, когда грозные львы охотились рядом с трепетными ланями, когда торговцы дружили с мытарями, а разбойники – с чиновниками, когда даже бубонная чума косила только неверных, когда сам диск земной крутился в правильную, ватиканскую сторону, из пределов Борея (пришла напасть. В приграничных деревнях северных земель Ватикана поползли слухи, что объявился антипапа. Толком никто ничего сказать не мог: одни утверждали, что ростом он был с дюжину Пап, и обещал огнём из уст своих спалить Ватиканский музей Естественной истории; другие рассказывали, что своими щупальцами он грозился изломать ватиканский нефтяной терминал. И потянулись с севера нескончаемой вереницей беженцы, оставляя за собой поднимавшиеся к небу столбы дыма – сжигали всё, что не могли унести с собой. Видя и слыша всё это, Пий весьма кручинился и переживал, думу думал, как урезонить антипапу, убедить в неправоте его. К тому же, и не с кем было перевоспитывать нечестивца: вся швейцарская гвардия в ту пору находилась в противоположном конце государства, увещевая альбигойцев не упорствовать в своих заблуждениях. И поскакали гонцы к швейцарским полкам, стоявшим на коленях вокруг альбигойских крепостей и умолявшим упрямых, как все южане, альбигойцев отступиться от ереси и вновь прибегнуть под длань кроткого Папы Пия XIX. Сам Папа в постоянных молитвах и посте призывал себе в помощь необоримую небесную рать, а пока та не прибыла, сочинял хитроумные прожекты по превращению антипапы в добропорядочного католика. Уж Пий и посольство викариев засылал к антипапе с буллой о даровании последнему должности премьер-кардинала и наипочётнейшего титула «раб раба рабов Божьих» (ведь всем известно, что у самого Папы титул – «раб рабов Божьих»). И делегацию инквизиторов с подарками отправлял. Но всё оказалось втуне. На вопрос, что же, всё-таки, ему нужно, антипапа ответил: «Тиару с головы Папы». Требование было совершенно немыслимое, и поначалу все, от распоследнего привратника до самого Папы Ватиканского, его отвергли с негодованием. «Ну, это уж ни в какие ватиканские ворота!» – возмущались вати-

канцы, – «Папа без тиары – всё равно, что…» – и не могли найти сравнения, так несовместимо с реальностью было это требование!

Положение спас тиар-менеджер Папы. Он предложил смастерить другую тиару, специально для антипапы, – с нарушением всех канонов – и выдать её за настоящую. Папе, конечно же, пришлось бы какое-то время походить без тиары, пока антипапа не удалился бы восвояси, но дело того стоило.

Замысел был блестяще претворён в жизнь: довольный и обманутый антипапа вернулся во неведомое свояси, а Папа вновь возложил на свою главу истинную тиару – католичество в очередной раз восторжествовало.

Вот так однажды Папа был без тиары. (

X

Сказочника весьма удивляла крайняя нелюбознательность вепсов. К примеру, в ватиканской харчевне его бы уже давно окружили хозяин с толпой своих прислужников и принялись бы наперебой расспрашивать о здоровье всех его десяти тысяч родственников, и как он находит погоду, и нравится ли ему пища (пусть даже он ещё и притронуться к ней не успел из-за их любознательности), и где щедрые чаевые, и ещё множество вопросов. В вепсячьих же трактирах ему приходилось вкушать свою трапезу в нелепом одиночестве.

А ночью в каком-нибудь тёмном ватиканском переулке у него бы обязательно поинтересовались, сколько сейчас времени и нет ли у него нюхательного табаку. Не то, что здесь!

Ладно трактиры с переулками! Но ведь равнодушие вепсов заходило уж слишком далеко – им совершенно не было любопытно, является ли колдуньей какая-нибудь излишне красивая или не в меру пожилая женщина, живущая по соседству. А ведь могла бы и оказаться! Слишком уж спокойно жили вепсы. Но стоило бы им провести у себя пару сотен процессов о колдовстве, так жить стало бы лучше и веселее. Да и обстановку бы в обществе оздоровило.

Но, наконец, настало время сказочнику крепко задуматься над возвращением в Ватикан. К тому его крепко понуждали просроченные визы в тридевятые царства, окрестные государства и земли за семью морями. Всё из-за той же тотальной просроченности своего пребывания на чужбине не было никакой возможности возвращаться через вепсячью таможню, строгость коей не вызывала никаких сомнений. За такие вольности с визовым режимом могли даже ввергнуть в темницу, нисколько не позарясь на сулимые вознаграждения.

Из расспросов тёмных личностей и туристических агентов сказочник узнал, что можно было свободно выехать из Вепсланда только в страну феаков, которую вепсы не признавали, считая её сказочной.

Через несколько дней сказочник был на заветной границе. Феаки же, охочие до всяких историй о диковинных странах и не слышавшие ничего нового со времён Одиссея, охотно впустили сказочника в свои пределы. Лишь спустя несколько дней феаки вполне удовлетворили своё любопытство (а сказочник, не будь он сказочником, присочинил к своему рассказу то, чего не видел, но услышал из достоверных источников). Не без сожаления согласились они отпустить настранствовавшегося гостя в Ватикан.

Во дворце конунга (феаков было устроено прощальное пиршество, где благовония щедрою рукою кидались в огонь охапками, в бокалах весело шипели экзотические порошки, а к столу подавались забавные плоды, имевшие шляпы, словно какие-нибудь благородные синьоры. После пира, или, может, даже во время его сказочник оказался на феако-ватиканской границе. Там он увидел старый полуразрушенный дом. Неуверенной стопою взошёл он в него и двинулся вперёд, пробираясь через кучи щебня и кирпича и осторожно минуя свисавшую клочьями с потолка штукатурку. Он проходил одну комнату этого странного здания за другой. Комнаты видоизменялись, буйство красок сменялось унылой монотонностью, её в свою очередь вновь взрывали ослепительные цвета, углы и плоскости менялись местами… Очередная дверь обрушилась под его далеко не настойчивым натиском, и сказочник оказался посреди пиршественной залы, где в тот момент происходил торжественный обед в честь избрания I кардиналессы – Ангелы Саксонской. И там, сидя средь представителей клерикального бомонда, он рассказал сказку, которая, как он считал, наиболее подходила для данного момента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.